УДК 821.161. 1.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-8-13

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Белукова В. Б.

АНОВО «Московский международный университет»

125040, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 17, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить оценку прозы В. М. Шукшина собратьями по перу в аспекте художественной онтологии писателя. Предложенный подход даёт возможность обновить представления о значении мнения творческой личности, коей, несомненно, является писатель-критик, как для характеристики не только персонажа, но и для оценки художественных принципов писателя Шукшина в целом.

Процедура и методы. Автором предложен анализ статьи Залыгина «Герой в кирзовых сапогах. К творчеству Василия Шукшина» (1974), свидетельствующий, во-первых, о тщательной продуманности и определённости слоёв статьи Залыгина; во-вторых, об очевидной схожести взглядов Залыгина и Шукшина по ключевым вопросам литературы и отношению к писательскому ремеслу. Делается вывод о целесообразности обучения мастерству критика, который, по словам М. Гершензона, видит задачу критика не в личной оценке произведения, а «учить всех читать медленно», так, чтобы каждый читатель мог увидеть сокровенное в произведении и воспринять видение поэта.

Результаты. В статье оценивается разнообразие ракурсов воспоминаний о характере Шукшина, подчёркиваются уникальность и культурно-историческая ценность его наследия. В ходе работы были выявлены особенности критического подхода писателя Залыгина к наследию Шукшина. Делается вывод о целесообразности обучения мастерству критика на используемом материале.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автору удалось предложить новый подход к оценке творчества Шукшина в критическом потенциале писателей-критиков.

Ключевые слова: Варламов, Залыгин, история отечественной литературы, писатели-критики, писательское мастерство и ремесло, Пьецух, художественные особенности, Шукшин

A WRITER ABOUT A WRITER: ON THE 95TH ANNIVERSARY OF VASILY SHUKSHIN'S BIRTH

V. Belukova

Moscow International University

prosp. Leningradsky 17, Moscow 125040, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the assessment of V. M. Shukshin's prose by his fellow writers in the aspect of the writer's artistic ontology. The proposed approach makes it possible to update ideas about the significance of the opinion of a creative person, which is undoubtedly a writer-critic, both for characterizing a character and for assessing the artistic principles of the writer Shukshin as a whole.

Methodology. The author offers an analysis of Zalygin's article "A Hero in Tarpaulin Boots. On the Works of Vasily Shukshin" (1974), which testifies, firstly, to the careful thoughtfulness and certainty of the layers of Zalygin's article, and secondly, to the obvious similarity of Zalygin's and Shukshin's views on the key issues of literature and their attitude to a writer's craft. A conclusion is made about the advisability of teaching the skill of a critic who, according to M. Gershenzon, sees the task of a critic not in a

personal assessment of a work, but “teaching everyone to read slowly”, so that each reader could see the hidden in the work and perceive the poet’s vision.

Result. The article evaluates the diversity of perspectives of memories of Shukshin’s character, emphasizes the uniqueness and cultural and historical value of his legacy.

Research implications. The author managed to offer a new approach to assessing Shukshin’s work in the critical potential of writers-critics.

Keywords: Shukshin, Zalygin, Pyetsukh, Varlamov, writing skill and craft, history of Russian literature, artistic features, writers-critics

Введение

Более ста лет назад, в далёком 1919 г., в холодном пореволюционном Петрограде Михаил Гершензон, который создал своё особое понимание художественного исследования с философско-научно-психологической стороны, где выступил сам блестящим художником слова, в глубокой статье «Видение поэта» писал: «Художественная критика – не что иное, как искусство медленного чтения (здесь и далее при цитировании курсив наш. – В. Б.), т. е. искусство видеть сквозь пленительность формы видение художника. Толпа быстро скользит по льду, критик идёт медленно и видит глубоководную жизнь. Задача критика – не оценивать произведение, а, узрев самому, учить и других видеть видение поэта, вернее, учить всех читать медленно, так чтобы каждый мог увидеть, потому что каждый воспримет это видение по-своему» [4, с. 18].

Высказывание Гершензона соразмерно с оценкой творчества В. М. Шукшина писателем Сергеем Павловичем Залыгиным (1913–2000) в статье «Герой в кирзовых сапогах. К творчеству Василия Шукшина» (1974), написанной в год безвременной смерти Шукшина. *Искусство медленного чтения* произведений Шукшина дало возможность Залыгину нащупать и определить многослойность тем и образов шукшинской прозы.

С. П. Залыгин *извлёк и показал это зерно истины*, которое очень непросто найти и ещё труднее показать, но тем более за которое – *благо ему*.

«Критик непременно в чём-то основном конгениален художнику, о котором пишет, потому что иначе он не увидал бы его видения» (М. Гершензон)

Более полувека назад было отмечено, что «писатель одновременно и художник и мыслитель, человек, несущий людям непременно оригинальные суждения о разного рода явлениях жизни и о литературе также, её настоящем и прошлом» [6, с. 220]. Залыгин одним из первых отметил шукшинскую «слиянность самых разных качеств и дарований не только в целом, но и в нечто очень определённое» [5, с. 429]. Шукшин – и актёр, и режиссёр, и писатель, и сценарист, и всё это было ему настолько присуще, что сам Шукшин не делил себя на части, выделяя какую-то сторону своего таланта, потому что, считал Залыгин, «это тоже свойство таланта и даже сам талант» [5, с. 429].

Отмечая, что Шукшин представляет «не только правдивое, не только талантливое изображение жизни», Залыгин *конгениален* Шукшину: он заключает, что произведения Шукшина и есть сама жизнь – «реальная, повседневная, героическая, какая угодно»; все внешние явления у Шукшина «заменялись одним понятием жизни, и даже не понятием, а ею самой», «выраженной в характерах и ситуациях, в нравственных её началах, поскольку без них искусство не искусство, литература не литература, да и сама жизнь – тоже не жизнь» [5, с. 434].

Утверждение Залыгина, что произведения Шукшина и есть сама жизнь, наиболее полно раскрывают образы героев шукшинской прозы: и бабка Маланья и её внук Шурка, чьё письмо дяде, герою Советского

Союза, стоит в одном ряду с письмом чеховского Ваньки Жукова (Сельские жители, 1962), и шорник Антип Калачиков, уважавший «в людях душевную чуткость и доброту»¹ со своей женой Марфой, современные Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович (Одни, 1963), и студент Минька, который «учился в Москве на артиста», и отец его Кондратий Лютаев, «председатель большущего колхоза в степном Алтае» (И разыгрались же кони в поле, 1964), и Степан Воеводин и его немая сестра (Стёпка, 1964), и Наум Евстигнейч, хворавший «с похмелья» с каждой пенсии, и квартирант его, восьмиклассник Юрка, чей рассказ про академика Павлова дал пищу уму старого Наума (Космос, нервная система и шмат сала, 1966), и старик Нечай, тоскующий по умершей жене и разговаривавший с ней, и шофёр Миколай Игринёв, вёзший тяжелораненого лейтенанта, который оказался его сыном (Горе, 1967), и пимокат Валиков и его соседка Алла Кузьминична (Суд, 1969), и Бронька Пупков (Миль пардон, мадам!, 1968), и Макар Жеребцов (Непротивленец Макар Жеребцов, 1969), и наивный Андрей Ерин (Микроскоп, 1969), и скотник-пастух Костя Валиков, которого все звали Алёша Бесконвойный, т. к. никто не мог заставить его работать в субботу и воскресенье, потому что он... топил баню (!) (Алёша Бесконвойный, 1973), и злобный мизантроп Глеб Капустин (Срезал» 1970) – составляют многоликую галерею бесконечных «чудиков», в каждом из которых есть общее зёрнышко – принадлежность к России; «без грима играл» Шукшин, «так же без грима он и писал» [5, с. 431], таковы же были *без грима* его герои.

И повесть Сергея Залыгина «На Иртыше» (1964) – это и есть сама жизнь: герои повести – Павел Печура, Кузьма Фофанов, Александра Ударцев, Степан Чаузов, жена его Клавдия, хромой Нечай, Егорка Гилев, Пётра Локотков, Ю-рист, уполномоченный Митя, Корякин, жите-

ли села Крутые Луки, – легко впишутся в плеяду шукшинских героев, – так тонко почувствовал нерв писателя Шукшина писатель Залыгин.

«Воспоминания о деревне, об утраченном, пусть даже мифологизированном, светлом мире детства поддерживали и спасали его в драматические минуты жизни. Сердечное умиление, нежность, прошение были не художественным приёмом, но интимным переживанием, частью личности автора, единственным, говоря словами Пришвина, неоскорбляемым уголком души, тем драгоценным запасом, к которому он то и дело обращался» [3, с. 6], – считает писатель Алексей Варламов.

Критик Галина Белая справедливо оценила обращение к прошлому как напоминание «человеку о его предназначении»: «поэтизации истории и традиции» была оправдана тем, что писатели, ставя вопрос о «сущном и должном», убеждали читателя «в жизнеспособности» своего идеала», подкрепляя его «реальным человеческим опытом» [2, с. 41]. Среди таких писателей есть и имя Шукшина, прозу которого Белая считает «истинно новаторской, ибо она открыла новые пласты социальной жизни, новые исторические характеры, принесла с собой новые стилевые решения, новую концепцию бытия» [2, с. 58], в которой пристальный равнодушный писатель и сейчас увидит «напряжённое внимание к проблеме национального характера» [2, с. 158].

Академик Лихачёв определил, что «мир художественного произведения отражает действительность одновременно *косвенно* и *прямо*: *косвенно* – через видение художника, через его художественные представления, и *прямо*, непосредственно в тех случаях, когда художник бессознательно, не придавая этому художественного значения, переносит в создаваемый им мир явления действительности или представления и понятия своей эпохи (курсив наш. – В. Б.)» [7, с. 78]. В малой прозе Шукшина именно так и отражена действительность: *косвенно* и *прямо*. Представления и понятия своей эпохи раскрыты Шукшиным

¹ См.: Шукшин В. М. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Рассказы. Киноповесть «Калина красная». М.: Молодая гвардия, 1975. 496 с.

в образах его героев: например, Андрей Ерин (Микроскоп, 1969), малограмотный сельский мужик, не получивший образования из-за войны, имел неистребимую тягу к знаниям, которых был лишён в детстве, а его ровесник, «деревенский краснобай, начитанный и ехидный» Глеб Капустин (Срезал, 1970), безграмотный демагог, хотел только одного: оскорбить! *Представления и понятия своей эпохи* были таковы, что Шукшину, незадолго до смерти, пришлось буквально прокричать: «Что с нами происходит?» Да, явно было неладно с нами...

«Табель о рангах в применении к писательскому труду» (В. Пьецух)

Писатель Вячеслав Пьецух со свойственной ему иронией отмечал, что «табель о рангах в применении к писательскому труду, включающая такие градации, как великий, гениальный, выдающийся и прочее в этом роде, имеет не просто факкультативное значение, а просто никакого значения не имеет. Потому что все писатели в действительности делятся только на писателей и тех, кто в той или иной мере заблуждается на свой счёт. Потому что на Руси уже сама должность писателя соответствует званию – гений – и обозначает его принадлежность к вечности, как звание святого и принадлежность к вечности обозначаются нимбом, изображённым над головой» [8, с. 209]. В шукшинские времена замечено, что «о своих современниках и предшественниках (и не только отечественных) всегда писали широко, серьёзно и страстно русские художники слова, создав одну из укоренившихся культурных традиций» [6, с. 220].

Отмечая профессиональную многогранность Шукшина, все факты биографии, как то: колхозные работы, служба на флоте, учёба в автотехникуме, учительство в школе, актёрство-режиссёрство, он твёрдо делает вывод: это всё «посторонние дела», а настоящее его дело – писательство; «его единственное и естественное предназначение – это литература, его место – ра-

бочий стол, его инструмент – шариковая авторучка и тетрадка за три копейки» [8, с. 210].

Определяя Шукшина как гения, Пьецух поясняет, почему он пришёл к такому выводу: «гений есть отрицание современности»: «как стая чёрных воинов заклёвывает ворона-альбиноса, так и человечество, исподволь, окольно вытесняет из жизни гениев», потому что «существо, обречённое природой на гениальность, способно самореализоваться лишь в столкновении с безобразной действительностью» [8, с. 212]. Мысль спорная, но интересная...

Но с чем невозможно не согласиться, так это с тем, что «шукшинский мир» – это «скрупулёзная анатомия русской жизни 60-х – начала 70-х годов, по которой грядущие поколения будут о нас судить» [8, с. 215].

«Кирзовые сапоги» героев и автора

С первой публикацией рассказов «Правда», «Светлые души», «Стёпкина любовь» в мартовском журнале «Октябрь» 1961 г. «в литературе перед ним не то чтобы была расстелена красная дорожка, но всё же зажжён зелёный свет» [3, с. 39]. В литературу вошли новые герои, сельские работяги, которые не «заморачивались» по поводу одежды: кирзовые сапоги на все случаи жизни были в гардеробе каждого селянина. И это «не сословный признак», не принадлежность «*просто*го человека» – это та «таинственная простота, к которой художник умел свести нечто очень сложное», та «натура, которой сапоги эти были свойственны, были и по ноге, и по душе» [5, с. 436].

Белла Ахмадулина, сыгравшая эпизодическую роль в фильме «Живёт такой парень», вспоминала: «Но он-то был родом из других мест, по ним тосковал во всех моих чужих домах, где мрачнел и дичился, не отвечал на любезности, держал в лице неприступно загнанное выражение, а глаза гасил и убирал, вбирал в себя. Да и радужные хозяева не знали, что с гордостью будут вспоминать, как молчал в их доме нелюдимый гость, изредка всверкивая не-

укрощённым вольным глазом, а вокруг его сапог расплывался грязный снег. Открою скобки и вспомню эти сапоги – я перед ними смутно виновата, но перед ним – нет, нет. Дело в том, что люди, на чьём паркете или ковре напряжённо гостили эти сапоги, совсем не таковы были, чтобы дожить опрятностью воска или ворса. Но он причинял себе лишнее и несправедливое терзание, всем существом ошибочно полагая, что косится на его сапог соседний мужской ботинок, продолговатый и обласканный бархатом, что от лужи под сапогами отлепётывают брезгливые капризные туфельки. То есть сапоги ему не столько единственной обувью приходились, сколько – знаком, утверждением нравственной и географической принадлежности, объявлением о презрении к чужим порядкам и условности» [3, с. 46–47]. Не случайно и Ахмадулина, и Залыгин обратили внимание на такую деталь, как сапоги: по справедливому замечанию исследователя, «развёртывание всякой художествен-

ной детали происходит в столь сложном целом, что именно момент влияния частного на целое и становится тем значимым парадоксом, который потенциально способен “сдвинуть” классически завершённую “картину мира”, придать ей динамику. Метатекстовая функция детали при этом также важна – в первую очередь тем, что создаёт эффект “изображения рассказа”, восстановления процессуальности самой “ситуации рассказывания”, “ситуации письма”, признание которой представляется исключительно важным для оценки художественного новаторства» [1, с. 51].

Заключение

50 лет назад ушёл из жизни Василий Макарович Шукшин. Герои его – с нами. Но, думается, что сегодня, как и полвека назад, ни время, ни пространство не определили ещё границы для исследования художественного гения писателя Шукшина.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Сапоги Достоевского: художественная деталь в онтологии писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 49–58.
2. Беляя Г. А. Литература в зеркале критики. М.: Советский писатель, 1986. 368 с.
3. Варламов А. Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. 111 с.
4. Гершензон М. О. Видение поэта. Петроград: Государственное издательство, 1919. 80 с.
5. Залыгин С. П. Герой в кирзовых сапогах. К творчеству Василия Шукшина // Залыгин С. П. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1991. С. 429–436.
6. Кузнецов А. Писатели – критики // Вопросы литературы. 1970. № 10. С. 220–221.
7. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
8. Пьецух В. А. Последний гений // Пьецух В. А. Русская тема. О нашей жизни и литературе. М.: Глобулус ЭНАС, 2005. С. 205–216.

REFERENCES

1. Alpatova T. A. [Dostoevsky's Boots: Artistic Detail in the Writer's Ontology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 5, pp. 49–58.
2. Belaya G. A. *Literatura v zerkale kritiki* [Literature in the Mirror of Criticism]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1986. 368 p.
3. Varlamov A. N. *Shukshin* [Shukshin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015. 111 p.
4. Gershenzon M. O. *Videnie poeta* [O. The Poet's Vision]. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1919. 80 p.
5. Zalygin S. P. [The Hero in Tarpaulin Boots. On the Works of Vasily Shukshin]. In: *Zalygin S. P. Sobranie sochinenij. T. 6* [Collected Works. Vol. 6]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1991, pp. 429–436.

6. Kuznecov A. [Writers – Critics]. In: *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 1970, no. 10, pp. 220–221.
7. Lihachyov D. S. [The Inner World of a Work of Art]. In: *Voprosy literatury* [Voprosy Literature], 1968, no. 8, pp. 74–87.
8. P'echuh V. A. [The Last Genius]. In: P'echuh V. A. *Russkaya tema. O nashej zhizni i literature* [Russian Theme. About Our Life and Literature]. Moscow, Globulus ENAS Publ., 2005, pp. 205–216.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белукова Виктория Богдановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук АНОВО «Московский международный университет»;
e-mail: zaglobav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria B. Belukova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Humanities, Moscow International University;
e-mail: zaglobav@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Белукова В. Б. Писатель о писателе: к 95-летию со дня рождения Василия Шукшина // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 8–13.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-8-13

FOR CITATION

Belukova V. B. A Writer about a Writer: On the 95th Anniversary of Vasily Shukshin's Birth. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 8–13.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-8-13